

Фонари, висевшие над крышей театра, резко моргнули, вспыхнул ослепительно-белый свет. Всего на мгновение: выступающие на сцене актеры и все сидящие в зале зрители бесследно исчезли. Огромный театр в одно мгновение опустел, погрузившись в мертвую, зловещую тишину. Там остался лишь один Сюн Рицзянь.

Он резко вскочил на ноги, чувствуя, как в груди поднимается липкая тревога. Оглядевшись по сторонам и охваченный сомнениями, он уже хотел было встать и поискать выход.

Фонари над головой снова внезапно моргнули, и все исчезнувшие только что актеры и зрители без всякого предупреждения появились прямо перед ним, менее чем в метре, плотным кольцом окружив со всех сторон. Их лица были совершенно лишены краски, черные провалы глазниц смотрели в упор на Сюн Рицзяня. Все они молчали, а нахлынувшая волна ледящего удушья заставила волосы на его теле встать дыбом.

Сюн Рицзянь от страха оцепенел. Он попытался развернуться и броситься беч, но ноги будто намертво прилисли к полу. Как бы он ни тужился и ни боролся, он не мог сдвинуться с места ни на дюйм, словно скованный невидимыми оковами.

В тот самый момент, когда он был близок к панике, фонари вспыхнули в третий раз. Все призрачные фигуры снова растворились в воздухе, путы, сковывавшие его тело, тоже исчезли, и он наконец обрел способность двигаться.

Сюн Рицзянь тяжело и судорожно дышал, его спина давно промокла от холодного пота. Этот театр источал зловещую жуть во всех направлениях; в углах стен едва заметно сочилась какая-то незнакомая багровая жидкость, испуская слабый тухлый запах. Задерживаться здесь дольше означало лишь накликать беду. Не смея больше оставаться на месте, он бросился к парадному входу театра, надеясь толкнуть дверь и сбежать из иллюзии.

Тяжелая деревянная дверь оказалась наглухо заперта. Сколько бы он ни наваливался на нее всем телом, пытаясь толкать, тянуть или таранить, створка не шелохнулась ни на миллиметр — выбраться через главный вход не было ни малейшей возможности.

Путь к спасению через парадную дверь был отрезан наглухо, и Сюн Рицзяню оставалось лишь подавить поднимающийся из глубин души страх, стиснув зубы направившись вглубь театра, в комнаты за кулисами. Шагая вперед, он безостановочно утешал себя, пытаясь успокоить мятущуюся душу, и снова и снова бормотал себе под нос: Ничего страшного, ничего страшного, нечего здесь бояться, это всего лишь иллюзии злых духов и демонов, они совершенно не могут меня ранить, чего тут бояться.

Пройдя через узкий и мрачный коридор, он добрался до самой дальней комнатки в глубине театра. Свет здесь был тусклым и давящим, подвешенная под потолком масляная лампа то затухала, то вспыхивала с безумным мерцанием, а тени на стенах искажались и метались, напоминая бесчисленные оскаленные демонические лица.

В центре комнаты стройными рядами стояли десять черных массивных гробов из цельного

дерева. От их корпусов исходил мрачный дух мертвечины, однако затуманенный иллюзией разум Сюн Рицзяня поначалу не заметил их присутствия.

Словно ведомый невидимой силой, он помимо своей воли шаг за шагом приближался к первому гробу. Хотя все его естество отчаянно сопротивлялось, конечности не слушались команд: рука сама по себе протянулась, легла на крышку и стала медленно сдвигать ее внутрь.

В тот момент, когда крышка гроба отворилась, на него пахнуло ледяным дыханием смерти. Внутри, мирно покаясь, лежал его старший брат Сюн Дацзу, трагически погибший в Лесу Кровавых Сосен. Тело полностью сохранило тот вид, который имело в момент гибели: в область груди, прямо в сердце, глубоко вонзилась бирюзовая стрела с волчьей головой — та самая стрела Гу Баймяо из шедевра «Стрела погони за луной облачного волка». Картина его смерти выглядела отчетливо и жутко.

Сюн Рицзянь содрогнулся всем телом и, преодолевая страх, направился ко второму гробу. Поверхность этой крышки была сплошь иссечена глубокими и мелкими следами — все они оставлены разрубившими ее клинками. Дрожащими руками он откинул крышку: внутри покоилось тело второго брата, Сюн Даханя, чья плоть была усеяна сквозными колото-резаными ранами. Десятки обломков мечей застряли прямо в мясе, и эта страшная картина заставила его ноги ослабнуть, а самого его — в панике отступить на несколько шагов назад.

Глубоко вздохнув, он через силу подошел к третьему гробу. Едва кончики пальцев коснулись дерева, как он ощутил обжигающий жар. Сдвинув крышку, он обнаружил внутри не целое тело, а лишь горстку обугленного пепла. И все же Сюн Рицзянь с первого взгляда узнал в нем Сюн Яньянь — своего третьего брата, который пропал без следа много лет назад и от которого не осталось даже костей. Глядя на горстку пепла, он бессознательно пробормотал: Третий брат, не думал, что я снова увижу тебя.

На внешней стенке четвертого гроба расплывались огромные пятна высохшей темно-синей крови, а крышка казалась невероятно тяжелой. С трудом отворив ее, он увидел внутри разорванного на четыре части четвертого брата с раздробленными костями — того самого, что пал от единого удара клинка Наньгун Шухэна. Его разрубленное тело было сложено вместе, и это зрелище производило поистине ужасающий визуальный эффект.

В пятом и шестом гробах покоились останки пятого и шестого сыновей семьи Сюн. Тело пятого было насквозь пронизано бесчисленными лепестками кровавого лотоса, а вся кожа покрыта крошечными кровавыми дырами; шестой же был скован нитями духовной энергии и превращен в подобие человеческого манекена со скрученными, вывернутыми конечностями.

Внутри седьмого и восьмого гробов находились седьмой и восьмой братья, выбравшие самоуничтожение. Мощный взрыв превратил их тела в бесформенное месиво из плоти и крови, где обрывки кожи и мышц слиплись воедино, а два мутных глазных яблока выпучились наружу, злобно уставившись на Сюн Рицзяня. От тел все еще исходил густой зловонный запах гниения. Едкая и устрашающая сцена ударила по чувствам Сюн Рицзяня так сильно, что он больше не мог сдерживаться: согнувшись пополам, его вырвало прямо на пол, а в желудке все перевернулось.

В девятом гробу лежал десятый брат Сюн Цзиньюань. Его тело было рассечено Косой с Головой Демона пополам, развалившись на две отдельные половины — зрелище не для слабонервных.

Осмотрев все девять гробов, Сюн Рицзянь уже был близок к полному нервному срыву. Шатаясь и переставляя ватные ноги, он приволокся к последнему, десятому гробу. Тот выглядел совершенно чистым: на внешней стенке не было ни царапин, ни следов крови, ни следов ожогов — самая обыкновенная крышка. Но чем серее и пустее она казалась, тем сильнее разгоралась тревога в глубине души Сюн Рицзяня, а ледяной холод полз вдоль позвоночника прямо к макушке.

Долго колеблясь, он все же поддался притяжению иллюзии и дрожащими руками толкнул последнюю крышку.

В тот самый миг, когда он разглядел то, что лежало внутри, Сюн Рицзянь испустил пронзительный визг, а его кровь, казалось, застыла в ту же секунду.

Человек, мирно почивавший в гробу, лицом, фигурой и одеждой в точности походил на него самого. Это был он сам. Лицо мертвеца было белым как бумага, а из семи отверстий на голове непрерывно сочилась черная кровь, пропитав насквозь все дно гроба. Но то, что повергло его в абсолютный ужас, лишив всякой надежды, — нижняя часть тела мертвеца была месивом кровавой плоти, а мужское достоинство оказалось безжалостно срезано на корню. Смерть его выглядела до жути жалко и отвратительно.

Страх мертвой хваткой вцепился в его сознание. Сюн Рицзянь попытался развернуться и бежать без оглядки, но бледная, лишенная крови женская рука внезапно протянулась из пустоты позади него и легко легла ему на плечо. Ледящее прикосновение просочилось сквозь ткань одежды прямо в кожу.

Оцепенел, он медленно оглянулся и увидел парящий в воздухе тяжелый, полный горькой обиды женский силуэт. Это была его покойная жена — та самая, которую он при жизни годами избивал у себя дома, пока она, не вынеся мучений, не покончила с собой. В руке женщина сжимала острый короткий нож для разделки мяса, а в ее глазах кипела накопленная за долгие годы ненависть и злоба.

Сюн Рицзянь от страха чуть не лишился души. Из последних сил повернувшись, он бросился к сцене, где в самом начале иллюзии сидел среди зрителей, надеясь отыскать хоть проблеск жизни. Но, добравшись до подмостков, он увидел собственное отражение на дощатом полу: оно уже выглядело точь-в-точь как труп в гробу — с сочащейся из всех семи отверстий кровью и изуродованным низом тела. Исход его жизни был предрешен заранее.

Отчаяние окончательно поглотило его. Ноги ослабли, и Сюн Рицзянь без сил рухнул на колени прямо на холодные доски театральной сцены.

Женский силуэт медленно подплыл к нему. Клинок короткого ножа сверкнул в холодном свете

и стал опускаться снова и снова, точно срезая самый корень его злодеяний. Двойной удар — предельная боль и ужас перед гибелью разума — навалился на него разом. Сюн Рицзянь даже не смог издать полноценный крик: черная кровь хлестала из его щек, ноздрей, ушей и уголков рта, заливая весь пол сцены.

В конце концов его глаза широко раскрылись, дыхание оборвалось окончательно, а смерть ничем не отличалась от участи мертвеца в десятом гробу.

Внутри иллюзии злодей Сюн Рицзянь испустил дух.

Реальный мир. Окрестности Кровавого Каньона.

С другой стороны, Бай Цинсюэ, Лин Цзычжи, Наньгун Шухэн, Шэнь Сюцин, Са Хуайнь и Юнь Фуинь, мчавшиеся следом по координатам Шухэна, вскоре добрались до входа в подземную иллюзию. Совместными усилиями они пробили защитный барьер и благополучно отыскивали потерявших сознание Гу Баймяо, Сяо Муюя и Кана Хаонуо.

Муюй, Хаонуо и Баймяо просто надыхались усыпляющего газа и не получили никаких серьезных ранений, а потому вскоре пришли в себя.

Едва к Гу Баймяо вернулся разум, ее взгляд тут же упал на распростертого на земле внутри барьера Сюн Рицзяня, который увяз в собственных демонах сердца и из которого продолжала сочиться черная кровь. В ее глазах не было ни капли жалости, и она тихо обратилась к стоявшей рядом Шэнь Сюцин: Он застрял в иллюзии собственных демонов сердца и превратился в такое чудовище. Что с ним в итоге будет?

Шэнь Сюцин холодным взглядом скользнула по бездыханному телу внутри барьера, чуть крепче сжав пальцами Копье Кровавого Лотоса, и бесстрастно, но справедливо произнесла: Этот человек был полон скверных и грязных помыслов, губил живые существа, похищал женщин, и горы его грехов давно достигли небес — рано или поздно ему пришлось бы заплатить за содеянное. То, что иллюзия оборвала его жизнь сегодня, напротив, можно считать избавлением, избавившим его от еще больших мук и возмездия в будущем.

Шестое июля 024 года Эры Тяньу, семь часов сорок две минуты утра.

Накануне битвы в Лесу Кровавых Сосен бомба, которую Сюн Дацзу впопыхах швырнул перед гибелью, с грохотом разорвалась. Мощная взрывная волна вперемишку с бушующими потоками воздуха безжалостно отбросила Цзинь Бугуя, обратившегося в дракона. Мощнейший толчок в спину пробил слои облаков, и он, словно запущенный воздушный змей с оборванной нитью, понесся по бескрайним просторам над морем и снежными равнинами. Несколько часов его швыряло по небу без всякой цели, чешую слегка опалило от бешеного ветра, большая часть духовной энергии оказалась исчерпана, а о том, чтобы контролировать траекторию падения, не было и речи.

Пролетев бог весть сколько тысяч ли, он наконец заметил, как замерзшие снежные равнины Континента Северной Луны внизу сменились буйной зеленью и жужжанием насекомых — это был Континент Утреннего Солнца. В поле зрения показалась долина, окруженная грядой гор, усыпанная цветами и кружащимися повсюду пестрыми бабочками. Это было знаменитое на весь Континент Утреннего Солнца Ущелье Сотни Насекомых. Силы окончательно покинули Цзинь Бугуя, драконий облик стал рассыпаться, и он тяжелым мешком рухнул в мягкое цветочное поле у самого входа в ущелье, полностью лишившись способности передвигаться, а потому был вынужден временно передохнуть здесь.

Нынче как раз выпадал трехгодичный праздник превращения форм в Ущелье Сотни Насекомых — самое грандиозное торжество для всего племени насекомых Континента Утреннего Солнца.

Улицы всей долины были празднично украшены: гирлянды из светящихся светлячков висели под каждым карнизом, разномастные крылатые насекомые в человеческих обликах сновали туда-сюда по дорогам. Пчелы катили тележки с медовым вином, бабочки исполняли легкие цветочные танцы, а музыканты-цикады играли на улицах звонкие мелодии. На каждом шагу царил оживление, а вокруг простиралась радостная и шумная праздничная атмосфера.

По всему континенту разнеслась весть об особой привилегии этого праздника: во время торжества абсолютно все прибывшие мужские особи получали право бесплатно зайти в жертвенный массив, чтобы изменить свою внешность и сменить облик на женский.

Возле жертвенного храма в самом центре ущелья змеилась длинная очередь длиной в несколько сотен метров. В ней стояли исключительно мужчины всех мастей, переполненные ожиданиями и идущие непрерывным потоком.

Цзинь Бугуй от природы обожал всяческие шумные сборища. Когда он только приземлился, то издали услышал, как толпа возбужденно скандирует слова бесплатное участие, и его уши тут же встали торчком. В мыслях у него крутилось лишь одно — урвать праздничный халявный бонус, и он напрочь пропустил мимо ушей вторую половину фразы про бесплатное изменение облика на женский. Потирая ноющую от падения поясницу, он с энтузиазмом протиснулся в длинную очередь, снedaемый любопытством, и ни капли не подозревал, что это принятое наобум решение станет самой большой глупостью и незабываемым приключением всей его последующей жизни.

Очередь двигалась быстро, и всего через несколько минут она продвинулась вперед, наконец дойдя до Цзинь Бугуя.

В тот самый момент, когда он поднял ногу, собираясь шагнуть в жертвенный храм, в его душе внезапно шевельнулось сильное чувство фальши. Оглядевшись и приглядевшись к проходящим мимо людям, он мгновенно понял, что что-то не так: в очереди стояли исключительно мужчины, но те, кто выходил из боковой двери храма, без исключения являлись изящными женщинами с мягкими чертами лиц и полностью изменившимися фигурами — от их прежнего мужского облика не осталось и следа.

Цзинь Бугуй застыл на месте, его мозг лихорадочно заработал, силясь подыскать хоть какое-то притянутое за уши объяснение. Утешая себя, он подумал: Неужели! Этот массив предназначен для превращения мужчин в женщин и служит специальным ритуалом для дам? Да! Точно так же! Тут нечего бояться!

Пока он еще уговаривал себя в мыслях, двое стражников из племени насекомых в панцирях и с пчелиными жалами-копьями наперевес уже шагнули вперед и с двух сторон мягко подтолкнули его в плечи, безо всяких возражений заталкивая внутрь храма. Тяжелая резная деревянная дверь за спиной с грохотом захлопнулась, отрезая все звуки внешнего мира.

Натянув нервы до предела и приготовившись к разного рода сложным ритуалам, Цзинь Бугуй огляделся, но обнаружил, что внутреннее убранство храма ни капли не походит на кровавые и громоздкие жертвоприношения, которых он ожидал. Внутри было просторно и чисто, на полу красовался сложный и переплетенный массив с разноцветными узорами насекомых, а по четырем сторонам стояли четыре прекрасные девы с тонкими крылышками за спиной, чьи лица выражали мягкость и не таили ни малейшей злобы.

Убедившись, что никаких каверз не предвидится, Цзинь Бугуй немного расслабился и шумно выдохнул. Четыре девы-насекомые знаком указали ему на световой круг в центре массива. Не раздумывая особо, Цзинь Бугуй честно шагнул к самому сердцу формации и застыл в ожидании начала ритуала.

В следующую секунду узоры массива вспыхнули ярким разноцветным сиянием, и из ниоткуда поднялся прозрачный плотный купол, превратившийся в полностью закрытый барьер. Он надежно укутал Цзинь Бугуя внутри, отрезая доступ к внешнему воздуху и накрепко запирая все звуки.

Ритуал стабильно дошел до середины, когда циркулирующая духовная энергия через меридианы проникла в тело Цзинь Бугуя, заставляя его плоть помимо воли меняться и бурлить. Кости незаметно размягчились, линии фигуры приобрели мягкость, а по всему телу разлилось странное, щекочущее ощущение зуда и распираания. Эта непривычная телесность мгновенно вогнала Цзинь Бугуя в панику, пробудив в глубине души сильный страх.

В ужасе он поднял руки и принялся отчаянно колотить по прозрачному барьеру перед собой — удары ладоней о купол отдавались лишь глухими звуками. Забыв обо всем, он вовсю разодрал горло и заорал: Спасите!! Быстро выпустите меня!

Однако звукоизоляция у этого барьера оказалась великолепной: снаружи могли видеть лишь то, как он комично размахивает руками внутри сферы, но ни единого крика о помощи наружу не пробивалось.

Четыре девы снаружи решили, что он просто изнывает от избытка эмоций при первой в жизни смене облика, переглянулись с улыбками и не стали прерывать ритуал. Одна из них, с золотистыми пчелиными крыльями за спиной, собрала в пальцах капельку бледно-золотого анестетика и впрыснула его в щель защитного купола. Едва снадобье попало внутрь, как на ум

Цзинь Бугуй обрушилась волна непреодолимой дремоты, сознание стремительно затуманилось, веки отяжелели, и он рухнул прямо на пол массива, погрузившись в глубокий сон.

Седьмое июля 024 года Эры Тяньу, восемь часов двадцать шесть минут утра.

Цзинь Бугуй медленно разлепил веки, затуманенным взором моргая ресницами. Вокруг больше не было холодного жертвенного храма — его место занимал изящный номер постоянного двора, наполненный тонким ароматом цветочного нектара.

Опираясь на мягкое пуховое одеяло, он приподнялся, присел и машинально закинул руку назад, чтобы поправить волосы. Пальцы наткнулись на гладкие, шелковистые пряди невероятной длины, свисавшие до самых пят и отливавшие чистейшим, ослепительным золотом — таких длинных волос, будучи мужчиной, он отрастить не смог бы никогда в жизни.

Одолеваемый сомнениями, он кое-как поднялся на ноги и на ватных ногах доковылял до стоявшего в комнате резного бронзового зеркала. Стоило ему поднять взгляд на гладкую поверхность, как он замер на месте с открытым ртом.

На него из зеркала смотрела юная дева с изящным личиком, напоминавшим только что распустившийся цветок грушевого дерева. Кожа была белой и нежной, брови и глаза источали мягкую поволоку, фигура отличалась стройностью и пропорциональностью, а изгиб тонкой шеи открывал взору красивую ложбинку ключиц. Он машинально провел рукой по бедрам: прежние густые и жесткие волосы на ногах, сопровождавшие его долгие годы, пропали без следа, а кожа стала гладкой и шелковистой.

Но больше всего его заставило похолодеть осознание того, что все признаки мужского начала в глубине тела исчезли начисто — прежних ощущений больше не было и в помине.

Уже после приступа испуга он заметил, что его одежду сменили на легкое и мягкое платье гузино-желтого цвета с вышитыми бабочками, плотно облежавшее фигуру.

В голове молнией пронеслась мысль: если одежду сменили, значит, весь процесс его бессознательного состояния и беспомощности посторонние люди видели от и до. Стыд и паника накатили волной, глаза тут же защипало от слез.

Переведя взгляд, Цзинь Бугуй заметил на тумбочке аккуратно сложенный белый листок бумаги. Сильнейшее любопытство пересилило царившую на душе неловкость: она протянула руку, взяла записку и принялась разбирать написанные от руки строчки.

Там значилось: Здравствуйте, незнакомец. Если вы ломаете голову над тем, откуда взялись здесь, прочтение этого письма, возможно, прольет свет на случившееся.

В этот момент Цзинь Бугуй уже в третий раз не смог сдержать слез от мысли, что он

окончательно превратился в женщину. Горячие капли, словно бусины с оборванной нити, безостановочно капали на рисовую бумагу, расплываясь темными чернильными точками.

После завершения обряда превращения вы потеряли сознание, и соплеменники оставили вас у дороги за пределами ущелья. Как назло, хлынул ливень, и я, случайно проходя мимо и заметив вас насквозь промокнувшего, из добрых побуждений притащила в эту гостиницу. Видя, что вы с ног до головы испачканы грязью, я самолично омыла ваше тело и передела в чистое платье — можете не благодарить.

Дочитав до этого места, Цзинь Бугуй почувствовала, как ее щеки пылают жарким пламенем. Обеими руками она скомкала бумажку и пробормотала себе под нос: То есть... незнакомец видел меня голой с головы до ног?

Стыд, страх и крушение всех надежд сплелись в тугой узел. Она свернулась калачиком на кровати, тупо глядя в одну точку, и потратила целых шесть часов, прежде чем мало-мальски смириться с реальностью.

Причина, по которой душевный узел наконец развязался, оказалась до смешного простой: отражение в бронзовом зеркале выглядело потрясающе красиво, золотистые волосы оттеняли ослепительную красоту лица, точеная фигурка излучала неповторимое очарование при каждом движении. Чем дольше Цзинь Бугуй разглядывала себя, тем больше ей нравилось увиденное. Обида и тревога постепенно рассеялись, уступив место толике радости и принятию.

Сбросив внутренние оковы, она приняла решение великодушно смириться с новым телом и с азартом выскочила на улицу, направляясь в Управление по делам граждан Ущелья Сотни Насекомых, чтобы официально сменить имя и навсегда распрощаться с прошлым Цзинь Бугуем.

Шествуя по улице, прохожие при виде ее ошеломляющей и притягательной внешности то и дело доставали припасенные Нефритовые Талисманы Записи Образов, чтобы запечатлеть ее красоту. Повсюду вокруг нее останавливались зеваки, но Цзинь Гуанъяо вовсе не смущалась — напротив, она гордо выпрямила спину и с достоинством принимала все взгляды окружающих.

Через тридцать минут все бюрократические процедуры подошли к концу.

Бывший юноша из Расы Драконов Цзинь Бугуй официально сменил имя на Цзинь Гуанъяо.

В этом имени крылся свой глубокий смысл: Гуан означало жить впредь светло и открыто, больше не совершая безрассудных поступков и не ввязываясь в неприятности повсюду; Яо символизировало прекрасный нефрит, подчеркивая ее нынешнюю драгоценную и очаровательную внешность, а также предвещая мягкую и гладкую судьбу в будущем. Оба иероглифа вместе символизировали желание прожить остаток дней честно, открыто, счастливо и свободно.

Закончив с формальностями, Цзинь Гуанъяо вдруг хлопнула себя по лбу, с запозданием вспомнив, что у нее есть еще девять товарищей. Они ведь заранее договорились вместе отправиться исследовать Пик Лунной Тени на Континенте Северной Луны, а после того, как их раскидало взрывом, друзья наверняка потеряли ее из виду и сильно переживали. Не смея больше мешкать, она высвободила остатки драконьей силы, сформировала под ногами мягкое облачко, взмыла в воздух и стрелой понеслась вдогонку по направлению, в котором, судя по воспоминаниям, двигались остальные.

Мчась по небу битых три часа, Цзинь Гуанъяо наконец завидела на окраине Кровавой Сосновой Долины знакомые силуэты Баймяо, Цинсюэ, Цзычжи и остальных. Переполнившись радости, она направила облако на пике скорости вниз и зычным голосом завопила: Я здесь!

Услышав окрик, люди на земле дружно задрали головы, разглядывая сидевшую на облаке девушку. Золотистые волосы девы развевались на ветру, а в ее манерах странным образом сочетались прежняя придурковатая дурашливость Цзинь Бугуя и присущая девушкам мягкость и нежная прелесть — лицо казалось до боли знакомым, но одновременно донельзя чужим.

Сяо Муюй долго склонял голову набок, разглядывая гостью, но так и не смог признать в ней знакомого человека, выпалив убийственно-прямую фразу: Ты еще кто такая?

Цзинь Гуанъяо почувствовала, как ее сердце рухнуло вниз — удар в самое сердце номер один. Торопливо замахав руками, она принялась объяснять: Да это же я, Цзинь Бугуй! Как вы меня не узнали-то?

Стоявшая рядом Шэнь Сюцин окинула взглядом ее изящную и гибкую фигурку, машинально покачала головой и выдала вторую ранящую реплику: Разве Цзинь Бугуй может быть такой красавицей? К тому же нечистокровный мужчина от рождения, совсем на тебя не похож.

Сердце Цзинь Гуанъяо сжалось во второй раз — удар в самое сердце номер два.

В следующие три часа Цзинь Гуанъяо по очереди доказывала Цинсюэ, Цзычжи, Шухэну, Хуайнь и Фуинь свою личность, перечисляя прошлые забавные приключения, пережитые вместе, мелкие секреты друг друга и снова и снова демонстрируя привычки и жесты, известные лишь одному Цзинь Бугую. Сменяя друг друга, спутники сыпали сомнениями, и каждое новое замечание било по Цзинь Гуанъяо точно в цель, так что за все время ей пришлось вынести семьдесят девять ранящих душу вопросов.

Лишь когда она продемонстрировала редкую золотистую чешуйчатую кровь, присущую исключительно Расе Драконов, и применила уникальное секретное заклинание драконьего дыхания, девять человек наконец поверили, что стоявшая перед ними ослепительная дева и впрямь была тем самым улетевшим от взрыва Цзинь Бугуем.